

Фёдор Титарчук

ЗАКОН ВРЕМЕНИ И ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ

Сборник фантастических историй.
Часть вторая

Фёдор Титарчук

**Закон времени и обычные
люди. Сборник фантастических
историй. Часть вторая**

«Издательские решения»

Титарчук Ф.

Закон времени и обычные люди. Сборник фантастических историй.
Часть вторая / Ф. Титарчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936363-3

Представьте себе, что мир сейчас совсем иной! Представьте, что Советский Союз благополучно пережил «эпоху своей трансформации», причем пережил её, даже не заметив таковую. А пережил исключительно по довольно странной причине — коренного научно-технического открытия, которое, как и все при Союзе, тут же было поставлено на службу народу и засекречено одновременно. Да настолько засекречено, что тот самый народ ничего о спасительной технологии и не знал. Представьте себе такой мир. И ещё три-четыре.

ISBN 978-5-44-936363-3

© Титарчук Ф.
© Издательские решения

Содержание

«Обычные люди». 5 банальных историй	6
1. Трудовые будни. Обычные «люди»	7
2. Банальная история. Или один день работы рядового гастронома	18
3. Подвал «правителей мира»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Закон времени и обычные люди

Сборник фантастических историй. Часть вторая

Фёдор Титарчук

Представьте себе, что мир сейчас совсем иной!

Представьте, что Советский Союз благополучно пережил «эпоху своей трансформации», причем пережил её, даже не заметив таковую. А пережил исключительно по довольно странной причине – коренного научно-технического открытия, которые, как и все при Союзе, тут же было поставлено на службу народу и засекречено, одновременно. Да настолько засекречено, что тот самый народ ничего о спасительной технологии и не прознал.

Представьте себе такой мир. И ещё три-четыре...

© Фёдор Титарчук, 2018

ISBN 978-5-4493-6363-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-6364-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Обычные люди». 5 банальных историй

1. Трудовые будни. Обычные «люди»

1.

«Претворяя в жизнь решения съезда партии, Постановления Политбюро и пожелания трудящихся, расширяя ареал обитания человеческой цивилизации, повышая культурный уровень и оптимизируя потребление, герои Сверхновой эпохи вносят свой неоценимый вклад в дело строительства ещё одного поселения в пределах Солнечной системы. Самоотверженный труд и самопожертвование двух с половиной десятков советских людей, советских не формально, а по духу, борющихся с космическим холодом, смертельными излучениями и недостаточной гравитацией, с каждой секундой приближает нас к тому моменту, когда первый поселенец ступит на...» – легкое касание ионной консоли и поток высокопарной пропаганды прервался.

Со стороны Сергея Петровича это было непростительно, возглавляя проект по возведению новейшего «Колодца» на одном из беспокойных спутников газового гиганта, он просто обязан был следить за дисциплиной и моральным обликом подчиненных, тех самых двух с половиной десятков советских людей... Но как-то с самого начала все не заладилось... Сначала проект оказался неприменим к местным условиям и его силами нескольких сотен научных групп в спешном порядке адаптировали. По окончании адаптации вдруг вскрылось, что имеющаяся в наличии техника, привезенная невероятных размеров грузовозом, не вполне отвечает требованиям строительства. Но, во-первых, грузовоз все также висел на орбите газового гиганта, и гнать его в две стороны было экономически нецелесообразно, а, во-вторых, при определенной сноровке и подналадке, пускай и с потерями, с излишними трудозатратами и срывом всех сроков, выполнить проект было признано возможным... Все поаплодировали, в очередной раз восхитились мощью и способностью научных групп, формируемых из ведущих специалистов в своих областях, решать оперативно и качественно возникающие проблемы, пожали руки, пообнимались, да и спустили разрядку на продолжение выполнения работ.

И все бы ничего, если бы при изменении проекта в новый план не закрался человеческий фактор, поставивший все с ног на голову. Проходя цепь согласований и правок, ни кто из «подписантов» не обратил внимание на то, что секретарь, вносившая изменения в первоначальную версию проекта во втором часу ночи по невнимательности оставила без изменений сроки исполнения этапов. После всех согласований, конечно же, ошибка всплыла, но ни кто не пожелал брать на себя ответственность за явный промах и потому коллективная ответственность, когда отвечают все, но конкретно – ни кто, все проблемы свалила на плечи Петровича.

Петрович сразу же поставил в известность своего куратора, но тот и слушать отказался, мол, бумага подписана, разумные люди составляли, какую цифру обосновали – выполняй и не сей панику, а то ведь и за Плутон запихнута могут, там как раз станцию внешнего слежения возводят...

И как водится, что начинается плохо, оканчивается ещё хуже... Петрович не считал себя плохим руководителем, все же, как ни как, а степень управленца 3-й категории, за плечами огромный опыт, только вот ранее он планетарные станции не возводил – не приходилось, а в остальном – достаточно успешный руководитель... И только благодаря его умениям ладить с людьми, организовывать их труд, быт и досуг, управлять процессом и решать проблемы, станция продолжала строиться, несмотря даже на перебор расходов и срыв сроков.

Нагнать сроки, даже привлекая дополнительные ресурсы, которые катастрофически таяли, он был не способен, о чем периодически докладывал своему куратору, Григорию Петровичу, и на что получал один ответ – «Любой ценой!» и «Не сей панику...»

– Сергей Петрович, вас по внешнему. – раздался девичий голос коммуникатора и сразу же запустил связь.

– Добрый день, Сергей Петрович. – куратор был сегодня суров и обращался по имени и отчеству.

– Доброго дня и Вам, Григорий Петрович.

– Доложите о выполнении намеченных мероприятий...

Картинка поплыла, очередной всплеск солнечной активности где-то по пути возмутил эгрегосферу, но голосовая составляющая осталась неизменной.

– Отставание от плана увеличилось...

– Что значит, увеличилось? – взорвался Григорий Петрович. – Вам выделены колоссальные средства. Вам поручено выполнение ответственного проекта, и если на каком-то этапе по непредвиденным обстоятельствам Вами было допущено отставание, то к настоящему времени оно давно уже должно быть устранено. И ни как иначе. А сегодняшнее Ваше заявление о каком-то отставании от сроков, и, тем более, о его росте, мною расценивается как саботаж! Предлагаю ещё раз пересмотреть свою позицию и правильно расставить приоритеты. Буду ждать адекватного ответа завтра... – экран погас, связь прервалась.

Ещё каких-то пять-шесть лет назад связь с Землей была настолько затруднена, что отправка к пределам Солнечной системы считалась чем-то вроде благословения – подальше от начальства... Но все кардинально изменилось после того, как был совершен прорыв в изучении эгрегосферы – некоего малоизученного информационного пространства – и теперь от всевидящего глаза земного куратора было ни где не скрыться...

Петрович в очередной раз выругался в пустой экран и уже собирался было уточнить, как там обстоят дела с починкой вышедшей вчера из строя бурильной установкой, как на экране, одной строкой, без подписи, в приватном оформлении, появилось сообщение: «Сделай что-нибудь! Дела совсем плохи».

Это был куратор и Петрович прекрасно понимал, что официальная часть – это официальная часть и он был просто обязан так с ним разговаривать, а по-человечески куратор его предупредил о надвигающихся проблемах...

«Да что ж там с этим буром?!» – сердцах рявкнул в пустоту Петрович и соединился с проходческим сектором.

2.

В проходческом царилась деятельность. Александр Сергеевич и Валерий Сидорович, сжигая бесценную энергию плазменных батарей, гоняли по помещению двух ремонтных роботов. Как водится у ремонтников, хорош тот ремонтник, который спит на рабочем месте, потому что все его оборудование в исправности.

Буровая машина, прозванная персоналом «экскаватор», наткнувшись на слой породы, для которого не проектировалась, вдруг дала задний ход и сама же себя и смяла. Страшного в том ни Алик – Александр Сергеевич, ни Валерик – Валерий Сидорович, не видели и всецело полагались на ремонтных роботов, стаяй облепивших громадных размеров экскаватор и до полуночи должны были привести его в порядок. Но вот что делать с пластом породы, вызвавшим сбой программы, они пока что не решили и сейчас занимались поиском, освободив свой разум от всего лишнего, отдавшись низменным чувствам азарта и первенства...

– Что с буровой? – вдруг раздалось у них за спиной. Оба оказались не готовы и сразу же вскочили, побросав пульта управления роботами на пол.

– Я повторяю: что с буровой? – ровно перед ними висел всплывающий экран и их буравил взглядом шеф. Шеф был не доволен – тут сомнений быть не могло.

– Мы же докладывали... – попытался привести себя в порядок Алик, одергивая рабочую куртку.

– Пласт неизвестных свойств на глубине в пятнадцать двадцать два. Выход из строя силовой установки и центрального провода... – добавил Валерик.

– Выгорела вся е-стабильная логика и машина едва не рухнула вниз... – вспомнил Алик.

– Это все? – уничтожающе взглянул на них с экрана шеф.

– На настоящий момент все.

– Ожидаем ещё чего-то? – саркастически улыбнулся шеф, но Алик и Валерик были чистейшими технарями и потому в какой-то мере наивными что касается политики и человеческих отношений, потому сарказм ими остался не понят и они только удивленно развели руками.

– Сроки? – отрубил шеф.

– К полуночи...

– Скорее всего...

– Как к полуночи? – не выдержал шеф. – Что значит, скорее всего? – тут уж его было не остановить. Что касается умения внушать людям правильные ценности и давать нужные установки, ему равных не было, в чем ни раз приходится убеждаться его подчиненным.

– Вы, оба, советские люди! Советские люди не для галочки, а по убеждениям! Вам народ и партия доверили ответственное дело – построить первое, – Вы только вдумайтесь: Первое, – и он многозначительно поднял вверх указательный палец, – полноценное поселение на другом космическом теле! Это огромная честь

И ответственность. Вас отбирали сюда по самым строгим критериям и что мы имеем теперь?! А мы имеем: провал операции, – Петрович принялся загибать пальцы. – второе, трата средств, и, третье, самое главное – потеря доверия. Как вы после всего этого своим товарищам в глаза смотреть будете?! Я вас спрашиваю?

Оба ремонтника потупили взоры, ощущая, что где-то допустили просчеты, ошибки, а то и халатность, но не совсем осознавая где и в чем.

– Так что, уважаемые, починим мы бур к обеду? Запустим процесс проходки к трем часам? Или первым же рейсом назад, на Землю, с позором? С выговором и лишением!!!

– Не успеем... – буркнул Алик.

– Извините, не расслышал? – уставился на него Петрович.

– Сделаем все, что в наших силах! – выступил вперед более опытный Валерик.

– И перевыполним! – невпопад добавил Алик.

– Вот и прекрасно. – улыбнулся Петрович. – Тогда к полудню я вывожу проходчиков, нечего им время терять...

Понятие времени здесь, на спутнике газового гиганта, было относительным. Здесь не всходило и не садилось Солнце, так, как это бывало на Земле, но и потому все хоть и подчинялись 24-часовому режиму, но все едино – понятия утро и вечер были относительны.

Петрович исчез, оставив ремонтников один на один с их обязательством. А внизу, под облепленным экскаватором, зияла дыра нескольких сот метров в диаметре и полутора километров в глубь. По проекту его глубина должна была достигнуть трех с небольшим километров, быть заполнена пространством города, а во всех горизонтальных направлениях планировались корневые ответвления... Проект сам по себе был грандиозным новаторством, но вот реализация его, увы, подкачала.

– Так как, пятилетку в четыре года, в три смены, двумя руками за одну зарплату? – фыркнул недовольный Алик.

– Ничего, – махнулся Валерик. – Нам бы силовую до обеда починить, а остальное в процессе... Производительность, конечно, упадет, и в сроках потеряют до пяти часов, но раз начальство хочет скорого запуска, поможем ему...

– Эх. – махнул рукой Алик, берясь за перенастройку режима ремонтных работ. И только он коснулся кнопки «стоп», как все копошащиеся роботы застыли в одно мгновение, а пара даже рухнула на пол, рассыпая свои инструменты и принесенные запчасти.

– Сколько тебе потребуется времени на переналадку? – поинтересовался Валерик.

– Не много. От силы, минут десять...

– Это хорошо, – направлял Валерик вспомогательных роботов на сбор рассыпавшегося. – До обеда у нас будет три часа... А ты перенастраивать киборгов обучен?

– А то как же? – с чувством обиды отозвался Алик. – Одна из основных специализаций. А тебе зачем?

– Да так. Потом скажу. Ты перенастраивай... Три часа останется... Мы на пищеблок, к Зинке заскочим на это время.

– Хорошо... – погрузившись в процесс, буркнул Алик.

3.

Зинаид на станции отвечала за пищеблок, склад униформы и склад личных вещей. Учитывая уровень автоматизации, без Зинаиды на станции можно было легко обойтись, но согласно Штатному расписанию и Расстановочной численности, эта должность полагалась и, естественно, была заполнена.

Зине было всего-то около тридцати. Крупная уже не девушка, но пока что и не женщина, так и застрявшая в переходном возрасте, она представляла собой симбиоз высокообразованного человека, окончившего профильный вуз, и яркого представителя деревенской культуры, с обязательными «руки в боки» и «кто мне тут смеет перечить?!»

Сказать, что от Зинаиды уж совсем не было никакого прока, было бы погрешить против истины. Зина обеспечивала всех питанием, следила за исправностью униформы, заставляла вовремя сдавать её в чистку и создавала иные элементы «имитации бурной деятельности». Работники к Зинаиде относились с легкой улыбкой, но признавали её значимость в преимущественно мужском коллективе, вот уже который месяц «запертом» на спутнике газового гиганта.

Зинаида явно не отдавала ни кому предпочтения, даже демонстративно отшивала всех ухажеров, но как-то так складывалось, что слухами и сплетнями о её жизни вне своих функциональных обязанностей, изобиловали пикантными подробностями.

Зинаида Петровна занималась тем, что неистово перепрограммировала автомат приготовления пищи. Автомат сводил её с ума. Единожды настроенный на оптимальный рацион для работников профессий, занятых в строительный работах в космическом пространстве, он напрочь отказывался уменьшать дозировки и урезать порции. Зинаида знала, что там, на Земле, давно научились обходить все эти «псевдонаучные» рецептуры и извечное благоденствие работников торговли и общепита вновь вошло в свою колею.

– Зиночка, дорогая... – раздалось у неё за спиной. – Нам бы ветоши... руки нечем вытирать...

За спиной, казалось из ниоткуда, вырос Валерик – один из тех самых ремонтников, по чьей вине они уже откладывали свое возвращение несколько раз.

– Не положено! – отрезала Зинаида и вновь вернулась к своему злосчастному автомату.

– Зин, взгляни... У тебя же должны быть какие-то тряпки. Старую униформу давно же уже списали...

– Что я тут непонятного сказала?! – во весь фронт совей мощной груди развернулась Зинаида. – Говорят же тебе – не положено! Если я всем тут начну униформу на тряпки раздавать, то что же это будет? Убирайся отсюда! – и властным взмахом руки указала на дверь.

– Эх, Зина, Зина... – махнул рукой на неё Валерик и уже повернулся уходить.

– Что, Зина? – с присущим её колоритом, во весь голос, с надрывом, аккомпанируя себе частыми взмахами руками, взорвалась Зинаида. – Ходят тут всякие, попрошайничают, а сами буровую в который раз загубили, теперь сиди по вашей милости здесь. Вот ещё пару раз сорвете план и ходить уже не в чем будет, в своих обносках прятаться от начальства будете. Нашёлся кто учить меня будет, как свою работу делать! Иди отсюда! Чтобы я тебя и не видела!! Понабирают интеллигентов доморощенных да криворуких. Вон мой брат меньший, так тот колхоз-

ную ирригационную систему, – слово ирригационная Зинаида произнесла с таким надрывом, что Валерику стало как-то не по себе, – на спор разобрал, а потом собрал... Балбес, конечно, за что и пострадал, но зато руки золотые и голова на месте, не то, что эти...

Зинаида вошла в раж и из прошлого опыта Валерик знал, что могла бы она не останавливаясь, продолжать ещё долго, если бы не...

4.

– Ну что ты там копаешься? – шептал Валерик, подгоняя Алика. – Неужто сложнее, чем работа перенастроить.

– Не торопи. – колдовал над консолью Алик. – Нам же её потом обратно, в кричащую дуру, преобразовать понадобится, нужно сохранить старые настройки.

– А... – согласился Валерик. – Давай, работай, а я пока что за дверью покараулю.

Не было ни щелчка, ни вспышки, да ничего не выло, но в на самом «влете темперамента» Зинаида вдруг застыла, а потом и обмякла. Её фигуристые тела так бы и рухнули по плиты пищеблока, да вовремя подоспевший Валерик подхватил и с немалым трудом оттащил Зинаиду в сторону, примостив ту на подвернувшийся стульчик.

– Ну где же ты ходишь? – с упреком бросил он Алику, уже принявшемуся менять Зинкины настройки на всплывающей консоли.

– Да Петрович делами интересовался... Лично прибежал...

– А! Понял. – махнул рукой. – Ну что, ты его спровадил?

– Да... Не мешай.

Перенастройка киборга дело отнюдь не простое, как то может показаться простому обывателю, привыкшему иметь дело с отлаженными и одобренными примитивными пакетами функций. Функции, как правило, уже были «вшиты» в пустые головы «вспомогательного персонала» и управление ими напоминало озорство обезьянки, распахивающей кубики да шарики в соответствующие отверстия. То же, чем сейчас занимался Алик, было сродни тонкой работы нейрохирургов, принимающих решение во время сложнейшей операции о том, какие цепи нейронов задействовать, какие блокировать, а какие и вовсе удалить или заменить искусственными. Перенастройка киборга для удовлетворения вполне определенных желаний, с настройкой темперамента и моторных функций – совсем немного, что с проворством студента-заучки за какие-то десять-пятнадцать минут совершил Алик.

И вновь не было ни щелчка, ни вспышки, ничего не было, но Зинаиду, как подменили.

– О! Мальчишки... – простонала она так, как казалось Алику, должны говорить дамы подобного рода.

– Зина! Дорогая! – вернулся Валерик.

– Дорогие мои. – с неопишуемой грацией, перебросив ногу на ногу, обнажив бедро до самого верха, протянула свои руки к ним Зинаида. – Будем втроём? Или у вас там за дверью ещё друзья?!

– Только же ты потом её назад перенастрой. – шепнул Валерик, приближаясь и предвкушая обладание этими пышными формами.

– О чем вопрос! – подмигнул ему Алик. – Ты как закончишь, скажи... – и собрался уходить.

– А ты куда? – удивился Валерик.

– За ходом ремонта присматривать... Не хочу, чтобы силовая окончательно полетела...

– Ну смотри. Как знаешь. – хмыкнул ему в след Валерик и добавил, уже раскрасневшейся Зинаиде. – Только мы вдвоем.

– Жаль. – ответила та так же томно. – А я хотела его попросить потом перенастроить пищевой автомат...

5.

Куратор космических проектов, хоть и находился все время на Земле, но благодаря системам связи и контроля имел возможность поддерживать контакт и быть в курсе происходящего на всех семи своих объектах. Семь – ни больше, ни меньше. Согласно нормам управляемости – именно столькими объектами имеет возможность эффективно управлять один человек. Больше – эффективность падает из-за большого количества объектов, меньше – вновь падает эффективность, но теперь из-за недозагрузки управленца. Так что – семь – обоснованное количество, как, впрочем, и все в жизни Григория Петровича и его соплеменников.

В настоящий момент он был загружен полностью, и если шесть проектов более-менее шли успешно, то седьмой, саамы ответственный, пробуксовывал с самого старта. Григорий Петрович прекрасно понимал, что давить на персонал станции не имеет уже ни какого смысла – как ни крути, а в сроки они не уложатся, оборудование только выведут из строя да сами костыми лягут, потому просматривая выборку происшествий, автоматически формируемую из записей скрытых камер, размещенных чуть ли ни в каждом углу, он откровенно закрывал глаза на все мелкие и средней тяжести нарушения, лишь бы это только как-то помогло сдвинуть проект с мертвой точки.

Выборка происшествий формировалась как ежедневно, на утро следующего дня, так и в оперативном режиме, стоило лишь произойти чему-то из ряда вон выходящему. Григорий Петрович с полным безразличием просмотрел баталии ремонтных роботов, учиненные двумя ремонтниками, закрыл глаза на распитие провезенных контрабандой спиртных напитков, с ухмылкой отметил дикую оргию в пищеблоке с телесной дамой и уж совсем пролистал заметки о краже инструмента с драгметаллами – все одно не удастся вывезти. Увы, как бы не хотел Григорий Петрович отмахнуться от всего увиденного, но инструкция предполагала бдительность и обязательное вмешательство, потому, долго не думая, он принял единственно верное решение, не способное нарушить ход выполнения задания: Зинаиде, фигурировавшей в эпизоде морального разложения впасть строгий выговор с занесением в личное дело, провести с ней разъяснительную работу на общем собрании, а ремонтнику в частной беседе пояснить всю неэтичность его поведения и не мешать работать... С остальным – ни кража, ни алкоголь не должны стать препятствием для свершения трудовых подвигов. Вот закончится все, тогда им и вспомнят...

И только Григорий Петрович уже хотел было озвучить свое незримое присутствие, как так же неожиданно, как и он «появлялся» на станции, вспыхнул всплывающий экран и перед ним.

Вызывающий явно был особистом. Их всегда и везде выдавал лукавый взгляд, излишнее дружелюбие и умение ненавязчиво подавлять волю оппонента.

– Добрый день, Григорий Петрович. – это был некто из новеньких, кого Петрович до того не знал, но тот самый новенький уже общался так, будто только вчера они вдвоем приговорили не одну бутылочку и теперь знали друг о друге столько, что оставалась быть друзьями на всю жизнь.

– Добрый день. – подобрался Григорий Петрович. – Приятно... Чем обязан?

– Да, собственно, ни чем... – улыбнулся лукаво особист. – Так, плановый звончек. Вот, хотел уточнить, как идут дела по Вашим проектам.

– На вверенном не участке... – официально начал Петрович, но его небрежно остановили.

– Ну зачем же так официально?! Мы же не на приеме и не на ковре у шефа. – особист улыбнулся, отчего Григорию Петровичу стало вообще не по себе. – Мне для галочки, просто отметить... Функция содействия... Вы же понимаете.

Григорий Петрович понимал, и функцию содействия, и функцию контроля, о которой ни кто не говорил в слух, а так же он понимал, что ещё не известно, что опасней – просто контроль, или же то самое содействие?!

– В целом, все идёт своим чередом, насколько это возможно в сложных системах... Кое-где, конечно, случаются срывы. Виной тому технические факторы, иной раз и человеческий случается, но как бы то ни было, а героический и самоотверженный труд советских людей на благо отчизны и всего человечества способен решать и не такие проблемы.

– Да уж, проблемы, факторы... – согласился с ним мягко особист. – Понимаю... Сами с людьми работаем. Порой приходится вмешиваться и принимать решения, когда ситуация выходит из-под... начинает выходить из-под контроля. – поправился особист. – Вот недавно слушок прошёл, поделюсь с Вами неофициально, что на одной из внеземных станций проект не то чтобы провален, но на верном пути к тому. Вот и задумались наверху о причинах – проект, вроде бы как, правильный, разработан ответственными людьми, согласован на самом верху, команда отобрана превосходная, программный код у всех исполнителей, как утверждается, идеальный, а проект буксует, сроки срываются, порча оборудования, перерасход средств, да и на самом объекте, поговаривают, алкоголизм, тунейдство и моральное разложение... Вот теперь поди и разберись, где причина неудачи?! Кто ошибся?! К чьей компетенции нужно пристальной присмотреться?!

Григорий Петрович судорожно сглотнул.

– А с иной стороны, – продолжал особист. – Люди устают, засиживаются, теряют связь с реальностью... Устают люди. Берут на себя слишком высокие обязательства... Ну что ж тут поделаешь, наверное стоит от таких избавляться. А вы как думаете, как лучше с такими людьми поступить – чтобы и по человечески, и «заслуги» не забыть? – особист сделал нарочито натянутый акцент на слово заслуги и Григорию Петровичу стало сразу же не по себе.

– Ну так как, Григорий Петрович? – не дождавшись ответа улыбнулся особист. – Я уверен, что с Вами у нас таких проблем не будет. Невзирая даже на то, что Вы самоотверженно, не покидая исследовательский центр уже более года, не имея контактов с внешним миром, Вы не потеряли бдительности, трудолюбия, активности и желания к самосовершенствованию. Именно на таких, как Вы, Григорий Петрович, и зиждется наше настоящее, строится светлое будущее для грядущих поколений.

Григорий Петрович не знал, что и ответить...

– Ну что же, Григорий Петрович, рад, что у Вас все хорошо. Надеюсь, что и в будущем Вы будете всех нас радовать трудовыми успехами и надеюсь встретиться лично, пожалть Вашу мужественную руку.

Экран исчез. Григорий Петрович, трясущейся рукой достал носовой платок и вытер липкий пот со лба: «Они все знают! Глупо было скрывать неудачи с самого начала, когда казалось, что удастся наверстать, удастся перебросить силы с иных проектов и решить возникшие трудности... Глупо, глупо...». Но заяви он о неудачах с самого начала и его рейтинг сразу бы покаптался вниз, а там, гляди, и упал бы ниже отметки компетентности, и тогда бы уж не о переходы в следующую категорию думать пришлось бы, а о том, как бы вообще сохранить свой статус – «падучих» в «обойме управления» не особо жаловали.

6.

– Серёж, – уже забросив подальше всякую официальщину, уговаривал Григорий Петрович начальника станции сделать все возможное для спасения проекта. – Неужели ни как невозможно спасти ситуацию?

– Стараемся, Гриша, стараемся. – в моменты трудностей и общей беды низы и верхи вдруг осознают зависимость и значимость каждой стороны. – Сам же видел, из рук все плохо.

– Да уж...

Разговор их длился уже минут с десять и речь все шла о мелочах, способных или не способных переломить ход событий.

– Понимаешь, мне тут звонили, сам знаешь откуда. – Григорий прекрасно понимал, что за разглашение его по головке не погладят, но это было уже мелочью, по сравнению с провалом проекта, стоившему советскому народу и всем народам-побратимам невероятных средств. На этот проект возлагали огромные надежды, его вознесли едва ли не до небес, сравнивая его выполнение с состоятельностью и возможностями советского общества, потому в официальных СМИ дела шли не только гладко, но и с опережением планов: высокопарные речи, трудовые обязательства, выступления героев и ударников, – потому любая неудача способна была вызвать не только мировой резонанс, но и похоронить под обломками проекта всех его участников.

– Прознали все же. – скривился Сергей. – И что теперь?

– У нас последний шанс...

Сергей Петрович выразился непристойно, что сразу же будет отмечено в его личном деле, но ситуация была критической.

– Может ты ещё раз уточнишь у своих, сколько... – не мог успокоиться потерявший присутствие духа куратор.

– Да что с них взять, с остолопов этих? – негодовал руководитель. – То битву на роботах учинят, то Зинку для утех перепрограммируют. Я бы тех самых программистов, что этих идиотам в головы позитронные связи закладывал да личности прописывал, сам лично, собственными руками... – он вновь выругался. – Ну как таким материалом руководить можно?

– Эх, Серёжа, Серёжа, не застал ты те времена, когда эти самые киборги и шага ступить без вопроса, без четкой инструкции, без вмешательства извне не могли... Было время... Кажется, что так давно, а всего-то каких-то три-четыре года...

– И что же?

– Да то, – смена темы явно повлияла положительно на куратора. – что халтурили они, гибли по чем зря, оборудование ломали, так что их легче людьми было заменить, что сам понимаешь, в таких условиях трудовой кодекс запрещает – эра роботизации и гуманности, что бы их... Вот и нашли Соломоново решение, добавить им самостоятельность, способность решать вопросы в зависимости от ситуации и по своему усмотрению, ну, и по ходу, эмоциями наградили, очеловечили, так что теперь даже и не отличишь – где человек, а где саморазвивающийся кибернетический организм... вот так, Серёжа... Теперь и приходится работать у усложненным и несовершенным, но способным к самостоятельному выполнению заданий материалом... Ну ты все же поинтересовался, как там – я в графиках и цифрах не силен, – признался куратор. – Я же больше администратор, а не технарь.

– Ну что у Вас там, ребята? – связался с буровой площадкой, спрятанной под огромных размеров куполом, Сергей Петрович. – Не сильно отвлекаю?

– Ни как нет! – отрапортовал Иванов, начальник бригады проходчиков. – Оборудование в рабочем состоянии, но окончательно не восстановлено, потому производительность на уровне 75% и постепенно растет...

– Как не полностью восстановлено? – не поверил своим ушам руководитель. – Срочно мне на связь ремонтную бригаду!

Экран мигнул и картинка сменилась. Оба ремонтника, подгоняя вспомогательных роботов уже носками ботинок, продолжали ремонтные работы на работающей установке, в обход всех правил и инструкций.

– Александр Сергеевич, как обстоят дела? – вдруг всплыл экран перед самым носом Алика, изрядно того напугав. – Почему установка не в полной... – Петрович замялся, он тоже не был технарем и потому путался в терминологии. – Не в рабочем состоянии, но запущена?

– Сроки, Сергей Петрович. Ваш приказ. Ремонтует на ходу...

– А что если?... – и тут не озвученные руководителем проекта, но явные опасения сбылись, буровая вдруг чихнула, казалось, подскочила на месте, и ринулась вниз, в пропасть, кото-

рую сама и бурила, увлекая за собой ремонтных роботов, километры кабелей и тонны вспомогательного оборудования.

Сто тысячетонная конструкция, занимавшая все пространство искусственного купола, казавшаяся такой неповоротливой и «вечной», в одно мгновение переломилась в нескольких местах, опоры покосились и сминаемая под собственной тяжестью и мощностью работающих механизмов, она в какое-то мгновение исчезла в провале, обваливая за собой стенки, превращая аккуратное отверстие в безобразный кратер.

– О боже!! – взмолился куратор, нарушая тем самым неписанное правило – отрицание религии и приверженность материализму, потому и упоминание о боге является некорректным, мягко говоря.

7.

Куратор отключился. Более говорить ему с персоналом было не о чем. Проект оказался безвозвратно провален, оборудование загублено, а виновные... что о них говорить?! Тут о себе в пору подумать...

Руководителя же проекта так же уже мало беспокоил сам проект. Находясь с куратором на расстоянии миллионов километров они оба находились в одном и том же положении – полной безысходности.

– Ну что ж Вы так, Григорий Петрович? – перед куратором вновь вспыхнул экран. Особист уже не улыбался. Он глядел укоризненно, как смотрят взрослые на малышей, стараясь вызвать в тех чувство вины и раскаяния. – Не усмотрели... Не уследили... Такой проект завалили...

– Я... я не совсем... – принялся заикаясь оправдываться куратор.

– Ну-ну, не стоит. – остановил его особист. – Тут теперь нужно не истерить, а действовать...

– Как?

– Ликвидировать последствия...

– Ликвидировать? – отрешенно переспросил куратор.

– Да! – улыбнулся по-отечески куратор. – Ликвидировать...

– Но как?

– Уборщики, дезактиваторы...

– Да-да! Точно!! – не веря услышанному с подымающимся воодушевлением вскочил со своего места Григорий Петрович. – Как раз на грузовозе бригада дезактиваторов... Приступаю немедленно!

– Вот и прекрасно! – улыбнулся особист. – Надеемся, что хоть это Вам под силу. – и отключился.

8.

– Серёжа, слушай меня внимательно. – сбиваясь и потеряв окончательно присутствие духа тараторил Григорий. – Через пятнадцать минут у тебя будут дезактиваторы. Это наш шанс! Если справимся, то, возможно, получим снисхождение...

– Понял. – кивнул Сергей Петрович. – Продолжай. – они уже давно перешли на ты, нарушая все правила субординации.

– Пятнадцать минут... Дезактиваторы... Прилетают, вычищают и запускают бригаду уборки. Приводят все в порядок и завозят тебе новых работников.

– А сроки? Мы же и так не укладываемся?! – возразил Сергей Петрович.

– Не твои заботы! – оборвал его куратор. – Делай то, что тебе говорят. Нам нужно, чтобы это ЧП не всплыло...

– Понял. Жду.

Спустя пятнадцать минут к основанию купола пришвартовалась шлюпка. Шлюз открылся и впустил бригаду рослых, всех на одно лицо, явно таких же киборгов, как те, за которыми они прилетели, но с громоздкими заплечными ранцами и устройствами, соединенными длинными шлангами с ранцами.

– Сергей Петрович? – приветствовал того старший команды. – Сколько у вас человек персонала?

– Двадцать пять, – ответил ему Петрович, и сразу же поправился. – Извинтите, двадцать четыре... Когда долго работаешь в условиях «секретности», то и киборгов, и себя начинаешь считать по головам...

– Вас понял! Тогда мы приступаем. – кивнул ему старший, так и не представившись.

Вся процедура заняла каких-то десять минут. Во избежание паники и сопротивления со стороны работавшего на теперь загубленной площадке персонала, работников вызывали поочередно, в кабинет руководителя. И когда тот появлялся на ковре, в полной уверенности, что идёт получать указания, в дело вступала бригада... Один едва видимый всплеск из раструба дезинфектора и все искусственные нейронные связи в головном мозге киборга превращались в клейстероподобную массу, непригодную более не для чего.

Ребята работали превосходно. Вспышка и тело не успевало ещё даже покачнуться на ногах, как две пары крепких рук уже подхватывали его и упаковывали в черные сверхпрочные мешки. Мешок исчезал в соседнем помещении – душевой комнате руководителя проекта, и следующий «посетитель» уже переступал порог начальственного кабинета...

– Ну вот и прекрасно. – так ни разу и не улыбнувшись за все время пожал руку начальнику проекта старший бригады дезинфекции. – Я так понимаю – все двадцать четыре тела здесь?

– Да, все. – облегченно вздохнул Сергей Петрович, с удивлением наблюдая, как в углу, где упаковывали тела, разворачивается двадцать пятый мешок. – А зачем?..

– Приятно с Вами было иметь дело! – на чей раз легкая улыбка посетила уста старшего бригады. – У нас в списке вы последний. – и легкая вспышка вновь блеснула в кабинете.

9.

– Прекрасно справились! – улыбался особист, похлопывая по плечу Григория Петровича. – Говорил же, что мы ещё встретимся и будем иметь возможность дружески пожать руки. Превосходно справились...

– А как же проект? Как же мировая огласка? – интересовался куратор, наблюдая за тем, как от грузовоза отделился маленький факел фотонной ракеты чтобы невидимым «черным» взрывом уничтожить всякое упоминание о проваленном проекте.

– Пустяки. – усмехнулся особист. – Не думаете же Вы, что затеявая такое дело, наш народ и партия не предусмотрели подобный исход?! Дело в том, что на настоящий момент развернуто и героическими усилиями в той или иной мере успешно развивается сразу три аналогичных проекта. По вполне понятным причинам о том известно не многим, потому одна-две, даже три неудачи ни коим образом не скажутся на демонстрации мощи, передовых технологий и прогрессивности советской идеологии перед остатками давно поверженного империализма и пока что не примкнувшими к нам отдельными народами третьего мира...

– Да?! – удивился Григорий Петрович.

– Именно. Жаль, конечно, затраченных в пустую средств, не оправдавшихся надежд, но имея второй неудачный опыт, мы сможем предусмотреть в остальных проектах предохранительные механизмы, усовершенствовать технику, более оптимально настроить персонал, воспитать более надежные, продуктивные и исполнительные руководящие кадры... Так что будьте спокойны, ваш труд был не напрасен.

– Спасибо. – с облегчением вздохнул Григорий Петрович. – А то я уж было подумал...

– Не стоит. – улыбнулся ему особист. – Не стоит... Жаль вот только, что Вы этим наслаждаться не сможете.

– Это как? – всё та же вспышка, что только час назад помогала ликвидировать последствия катастрофы на строительной площадке, озарила стены кабинета. Некому было подхватить ослабшее тело куратора и он подобно осинovому листу в безветренную погоду, тихо осел на пол.

В кабинет вошли двое, все с тем же черным мешком.

– Жаль, конечно, разбрасываться такими кадрами. – спрятал портативное устройство особист в карман. – Но, увы, говорят, что с этой моделью сейчас слишком много проблем...

– А что так? – поинтересовался один из вошедших, как две капли воды похожий на ребят из бригады дезинфекции грузовоза.

– Достигли предела компетенции и дальнейшая модернизация представляется нецелесообразной... или невозможной. Вот и подчищаем их, по мере их же ляпов. – он направился к двери. – Закончите здесь без меня. – и покинул кабинет.

– Которого за неделю уже пакуем. – хмыкнул один из дезинфекторов. – Все подчищает, подчищает... А сам-то, из той же самой партии, не ровен час – и его завтра паковать будем...

– Рот закрой и работай. – прервал его второй. – Не наше это дело.

– Молчу, молчу. – согласился первый и взвалил мешок себе на плечи.

2. Банальная история. Или один день работы рядового гастронома

– Колбаска есть? – неуверенно поинтересовался посетитель магазина.

– Нет! – отрезала продавщица, дородная круглая женщина в не первой свежести переднике, завязанном на прочный узел на мощной спине.

– А когда будет? – не отставал очкарик.

– Вчера! – отвернулась в сторону продавщица, демонстрируя свое презрение к незадачливому покупателю.

– Вчера я тоже приходил, – назойливость униженного покупателя удивляла. – Вы мне ответили, что ожидаете с минуты на минуту.

– То было вчера...

– Так привозили колбасу?

– Привозили. – разговор напоминал общение со стеной. Продавщица, носившая имя Марья Васильевна, некогда красавица, а теперь располневшая и обабившаяся на нелегкой стезе торговли в универсаме женщина, всем своим видом показывала, что общаться с посетителем ей не очень хочется.

«Все они одинаковы! – ухмылялась она, пихая ногой коробку с колбасой в сторону морозильника. – Одно подавай! А здесь...» Что, собственно, здесь, она не успела закончить, так как мысль её была прервана все тем же неугомонным очкариком в обветшалом пиджачке да сетчатой авоськой в тоненьких руках:

– Тогда мне килограмма полтора по 2—10!

– Ну что Вам непонятно, мужчина?! – с нескрываемым хамством повернулась в его сторону Марья Васильевна. – Нет колбасы.

– Ну, так привезли же...

– Вы меня удивляете! – подперла руками груди продавщица. – Вы что, не понимаете?! Привозят мало – разбирают быстро....

– Но я же вчера весь день просидел у окна! – потрясал руками незадачливый покупатель. – Не было в продаже колбасы! Я все видел!

– Видел он! – хмыкнула Мария Васильевна. – Что он там видел в своих очечках то?! Да ты и свою бабу не увидишь, если она тебя не толкнет, проходя мимо. Иди отсюда, зануда. Нет колбасы. А для тебя и не будет. – и с чувством неопишуемого величия Марья Васильевна покинула место у прилавка, отправившись в подсобку.

– Куда Вы? – кричал мужичонка, переходя на истерический вопль. – Позовите заведующую! Дайте книгу жалоб!

– Закончилась книга жалоб! – парировала величественная Мария Васильевна, элита советского общества – работник торговли.

В подсобке уже сидели Клавдия и Алевтина, попивая только что заваренный чаек и сдабривая его бутербродами с колбасой и икоркой. Икры было совсем немного, поэтому и икорные бутерброды лежали отдельно, символизируя своим наличием причастность к привилегированной касте.

– Садись, попей чайку, Машенька, – предложила Алевтина. – Угошайся бутербродами. Только нарежали.

– Ой, спасибо, подруженьки. Сейчас, одну минуту.

Добротный смесевой чай, состоящий по информации на упаковке 50 на 50 из индийского и черного байхового грузинского, наполнил стакан.

– Ой, я вчера такие колготки оторвала. – хвасталась Клавдия, демонстрируя пухлую ногу, обтянутую нейлоном телесного цвета.

– У Ленки из галантереи? – оживились женщины, завидуя подруге завистью продавца, которому не достался кусок свежей говядины. – Сколько отдала?

– Нет, не у неё, – единая каста привилегированных сразу же расслоилась, подняв обладательницу новых колготок над остальными. – У Валерии из ЦУМа. Привезли, болгарские.

– Надо же, – простецки Марья Васильевна потрогала ногу возвеличенной подруги. – А мне ничего не сказала. Я же вчера с ней в подъезде столкнулась. К своему хахалу таксисту прибежала, потаскуха крашенная. И это при живом то муже!!

– Да ты что?! – тема колгот сразу же была забыта, оставив легкую досаду и нервозность у Марьи Васильевны и Алевтины.

– Живет у нас Шурик – бабник и пьянчужка. Работает таксистом и таскает к себе девок после смены. И вот гляжу, последнее время к нему зачастила Валерка. Её то крашеную шевелюру не спутаешь, – взяла инициативу Марья Васильевна. – Шасть туда, а потом, вечером, обратно, домой, к муже. Помада размазана, тени потекли, юбка мятая. Уж и не знаю, если ходишь к мужику, то хоть потом скрывай следы блуда, вот я в молодости... —и осеклась.

– Что ты? —хваткой продавца-обвеса вцепилась в оговорку Алевтина. – У тебя с этим Сашкой что-то было?

– С кем?! С Сашкой?! – возмутилась Марья Васильевна, поглощая уже третий бутерброд с докторской колбасой. – Да где он? Какой-то таксист! А где я?? Ну вы же, подруги, сами знаете.

Подруги знали, что у Маши муж был инженером, создавал не то бомбы, не то ракеты, страдал бессонницей и близорукостью и если бы не жена из гастронома, то давно иссохся бы на свои 200 рублей с переработкой. «Зато интеллигент! – поясняла Машка, стараясь скрыть свое разочарование. – Начнет рассказывать – и сама не пойму что говорит. Но как говорит! Заслушаешься.»

– А с кем было? – не унималась подруга.

– Да что ты ко мне пристала? С кем было? С кем было? – махнула рукой Марья Васильевна и с набитым ртом добавила: – С кем было – то прошло. Я приличная замужняя барышня. Не в пример какой-то Валерке, потаскушке из галантереи.

– Ну ладно, ладно, подруга, – подмигнула Алевтина. – Лучше бутерброд с икоркой отдай. Вчера привезли. Сразу же приехали из исполкома и почти все изъяли. Что успели спрятать, – угощайся. Кто знает, когда теперь икорку-то увидеть придётся?!

«Тебе ли говорить! – с улыбкой поглощала бутерброд Марья Васильевна, продолжая внутренне поносить Алевтину. – Твой-то обрюзгший боров на партийных пайках вон как разожрался. Прекрасно себя чувствует! И курочка, и колбаска, и, небось, икорка когда ни когда перепадёт. Тебе ли жаловаться?!».

– Спасибо, подруга, – улыбнулась проглотив бутерброд Маша. – Хорошо у Вас тут. А за прилавком уже с полчаса никого нет. Идти нужно.

– Да там и на прилавке ничего нет! – хихикнули подруги. – Кто придёт, так и пойдет. Пускай в хлебный марширует, или соки-воды разорит. У нас все спокойно. Колбасу то припрятала?

– Да на месте она. Под прилавком стоит.

– Да ты что?! – вскочили сразу обе. – Заведующая увидит, половину сразу отберет. Ну ты и дура, Маша!! Быстро пошли.

И все трое едва не бегом отправились к пустующему месту продаж.

Но то самое место продаж уже не пустовало. Прямо на Машином месте стояла заведующая магазином и по совместительству, которое не допускалось нормами, но имело место сплошь и рядом, старший продавец. И не просто стояла, а общалась с тем самым потрепанным пиджачком с перемотанной изоляционной лентой очечками.

– Я прекрасно понимаю Ваше возмущение, – сладкоречиво с трибуны вещала Завмаг. – Естественно, это недопустимо и виновные будут наказаны самым строжайшим образом. Хам-

ство в нашем заведении недопустимо! Ваш сигнал для нас очень важен и... – она запнулась, видимо закончились штампы и теперь предстояло либо запустить все по кругу, либо перейти на матерно-завмаговский, которым она владела прекрасно, наставляя своих зарвавшихся сотрудниц на место.

– Так колбаски бы! – просительно отозвался посетитель.

– Войдите же и Вы в наше положение, – аккуратно подвинув подальше ящик с колбасой, продолжила Завмаг. – Мы ожидаем поставки со дня на день. К сожалению, в связи со сложной ситуацией в животноводстве, в настоящий момент имеют место перебои с поставкой колбасных изделий...

– И молочных, и мясных, и сыра нет, и папирсы тоже куда-то исчезли... – под нос пробурчал очкарик. – Но хоть сегодня привезут?

– Ожидаем, но ничего обещать не можем, – снисходительно улыбалась гидра-завмаг.

– Я тогда подожду здесь?! – указал в сторону батарей отопления, размещенных возле окна, покупатель.

– Конечно, конечно, – успокоила его Завмаг. – Как только появится колбаса, вы сразу же увидите.

– Тогда я буду первым в очереди.

– Ну, конечно же!! – улыбнулась лучезарно Завмаг. – О чем здесь можно спорить!

– И книгу жалоб все же дайте...

– Ну что Вы?! Зачем она Вам? – встрепенулась Завмаг и её пышная осветленная шевелюра, пережженная химией, вздрогнула вместе с ней. Прошлая запись некоей истерички им обошлась в значительную сумму и несколько недель нервного состояния во время проверки деятельности работников сотрудниками КРУ.

– Благодарность написать! – простодушно ответил посетитель. И по выражению лица было видно, что он был полон решимости написать именно её.

«Эх, известный типаж, – усмехнулась Завмаг, некогда имевшая имя, а теперь превратившаяся просто в Завмага с большой буквы. – Ты на них кричишь, хамишь, ногами топчешь, а они в ответ лишь раболепно лижут тебе туфли. Откуда ж такие берутся?! И почему много их так развелось?! Наверное, потому, что не имеют доступа к материальным благам! – осенило Завмага».

– Конечно же! Если хотите, то мы Вам и текст подберём. Благодарность от благодарных потребителей – это мера оценки наших стараний обеспечить их всеми благами.

– Я сам напишу, – улыбнулся заискивающе посетитель. – Как ни как, а 30 лет педагогического стажа.

– Что ж, будь по-вашему, – с опаской взглянула на него Завмаг. – Алевтина Вам принесет Книгу. А Вы, девочки, за мной. – скомандовала она властно.

Кабинет Завмага являл собой обычное помещение с персональным кондиционером, личным холодильником и кожаным диваном для посетителей. На диван девочек она присесть не пригласила, оставив тех стоять напротив восседающей на «троне» начальницы.

– Маша, курица ты деревенская! – мягкое начало не предвещало ничего хорошего. – Коза ты давно нее... Ты хочешь вылететь с работы?! Ну и куда ты потом пойдёшь? Пирожками на вокзале торговать? Так тебя потом и туда не возьмут. Улицу мести будешь, собачьи какашки собирать и алкоголиков по парадным гонять! Ты меня слышишь, дорогая ослица ты моя?

– Да, товарищ...

– Ещё одна такая выходка, и ты будешь нам уже не товарищ, буренка волоокая с не доемым выменем! – Завмаг даже привстала от возмущения. – Ты что себе позволяешь? Ты кого обманываешь, тварь ты неблагодарная? Кого подставляешь? У кого крысишь?

– Я... – Марья Васильевна, ставшая вмиг глупенькой пышкой из одного из сел не асфальтированного Нечерноземья, которой приехала искать лучшей жизни в город.

– Что я? Дорогая ты моя, – шипела Завмаг. – Может ты сейчас же хочешь написать заявление? Рассчитаться за все, что мы не найдем или того хуже найдём? И убраться по добру, по здорову?

– Нет, я... – ужас потери такого хлебного места сковал волю Маши. – Я...

– Ты забыла, дура ты подзаборная, откуда тебя взяли? Кто тебя пригрел? Кто от КРУ отмазывал?

– Помню, товарищ Завмаг. Я только...

– Тогда почему ты меня обворовываешь? Что за колбаса у тебя под прилавком? Откуда она?

– Осталось немного...

– Ах, осталось? – вскочила Завмаг. – Утром ещё не оставалось, а теперь вдруг откуда-то нарисовалось? Так.

– Я...

– Да ты дура полная, дорогуша. Все что там осталось, неси сюда немедленно, Машенька. И впредь, хоть раз... Не дай бог тебе не донести излишек и обвес, не поделиться обсчетом или вообще, что-то вякнуть на улице о том, как вы икорку жрете в подсобке!! Вылетишь в миг по статье в трудовой!!! Поняла ты меня, скотина ты тупая?!

– Так точно, товарищ Завмаг. Не повторится, – вдруг проступили следствия тесного общения с полковником местной воинской части, обладавшего могучим телом, непреклонным характером, армией рабов-призывников и страстью к пышным женским формам.

– Тогда одна нога здесь, вторая там. – отмахнулась от Маши Завмаг.

– Я сейчас...

– Да, и ещё, не забудь вот что – Михалыч, наш грузчик, опять запил, так что сегодня придет машина с молоком, колбасой и сыром – разгрузите. Вам не привыкать. Свободна. А тебя, Клавдия, я попрошу остаться.

Марья Васильевна, уже давно не девочка, слетела с третьего этажа вниз, аки на крылышках. И так же быстро взлетела вверх уже с ящиком в руках. Картина, свидетелем которой стала она, повергла её в шок.

Клубок женских тел катался по полу, попеременно выбрасывая руку вверх и целясь ворваться в волосы противника, расцарапать мордашку, а то и просто нанести удар наотмашь куда придется. Повизгивая, проклиная друг дружку, сотрудники гастронома выясняли отношения:

– Я за своего Василия тебе все волосы повыдираю. – шипела Клавдия, пиная ногой Завмага, пытавшуюся выбраться из-под разъяренной подчиненной.

– Это мы ещё посмотрим! – отвечала ей Завмаг, хлестая свою обидчицу.

– Не погляжу, что ты здесь за главную. Глазищи твои завидующие повыдираю, будешь с палочкой ходить да с лесенки падать, сучка ты неудовлетворенная.

– От фригидной слышу.

– Ах фригидная?! Да?! – завопила Клавдия и клубок покотился в сторону дивана. – Я тебе покажу фригидную. Я тебе сейчас покажу... Возомнила тут, что если нас обирать и унижать может, то и мужики наши ей тоже подвластны...

– Фригидная-фригидная. – раззадоривала её Завмаг. – Он мне давеча как прошлой ночью это говорил. Все сравнивал нас. И все не в твою пользу, бревно ты недвижимое.

– Ах бревно?! Да я тебя сейчас...

Марья Васильевна аккуратно поставила ящик с колбасами у входа и так же неслышно покинула помещение, прикрыв за собою дверь. Любовь к чужим мужикам Завмага была уже притчей во языцах. Но если честно, то грешила она не более чем все остальные, но будучи постоянно на виду, служила и объектом более пристального внимания.

«Вроде пронесло», – выдохнула Марья Васильевна.

– Где ты ходишь? – поймал её за руку в проходе водитель только что прибывшей машины. – Машенька, пойдём, подсобишь. Я сам выгружу, ты только отвезешь.

Приехал Лёня, водитель того самого мясокомбината, что не успевал выпускать колбасные изделия в количествах, удовлетворяющие все возрастающие потребности рабочего класса. На удовлетворение потребностей отдельных личностей, не относящихся к прославленному рабочему классу, впрочем, продукции хватало, но так, чтобы на всех – что-то не ладилось.

– Идём, идём, Машенька.. – попытался увлечь её Ленька куда-то в сторону.

– Да ты что?! – звук пощечины разлетелся гулким коридором – Я же тебе уже говорила. Я дама замужняя. Прошли времена.

– Да ну ладно тебе. – не унимался водитель.

– Не до тебя мне сейчас. Завмаг лютует, уволить сегодня грозилась. Давай грузить твою колбасу.

Тяжело вздохнув, Леня более не проронил ни слова за все время. Послушно выгрузил, не глядя передал бумаги, подождал пока взвесят, поставят штампы приемки и дадут возможность убраться восвояси. И стоило лишь тому уехать, как Марья Васильевна, ощутившая себя вновь Машунькой, тяжело вздохнула, провожая того взглядом.

Прибыла колбаса. Весть о том сразу же разлетелась по магазину. И у штабелей ящиков уже выстроилась очередь сотрудников гастронома. Даже ушедший в запой грузчик, и тот приковылял, надеясь урвать и себе пайку. По старой традиции, свои имели возможность выбрать продукты получше, отложить часть «под прилавок» для своих, а то и взять для обмена с такими же сотрудниками, но имеющими доступ к иным материальным ценностям, например, к бижутерии или косметике.

– В зале хоть кто-то остался? – громогласно поинтересовалась Завмаг, внезапно появившаяся в коридоре. Измятая юбка, перекошенная блуза, да толстый слой румян на лице, в остальном – все как всегда. – Машенька, потом заскочишь ко мне.

– Вам как всегда?

– Конечно! – Завмаг была сама доброта.

Все происходило быстро и четко. Настолько профессионально, как бывает только когда работники торговли обсуживают таких же работников торговли. Все четко и профессионально. Даже из подсобки принесли атомные весы – единственные весы, отмеряющий точный вес в магазине. Все остальные весы не то чтобы не были не точными, только настройка у них была идентична, и даже сверяя вес купленных продуктов на контрольных весах, покупатель не отмечал ни какой разницы. Правда бывали случаи когда разгневанный покупатель, изрядно обвешенный, поднимал скандал, но на него либо не обращали внимания, либо виновным оказывался то техник, неверно настроивший весы, либо же продавец, уставший и допустивший оплошность. Конфликт как-то решался, порой в кабинете Завмага (все зависело от ранга покупателя), о наказании же ни кто ни когда не слышал. Корпоративная этика и круговая порука спаивали коллектив, периодически взрывающийся внутренними мелкими и крупными склоками, но внешне коллектив выглядел непреступным монолитом. И наивысшим проступком было нарушение той самой корпоративной этики. Это никогда не прощалось, такой работник увольнялся, а с самыми упертыми случались случаи зафиксированного воровства или иные неприятные вещи.

– Много не отпущу! – сразу же предупредила Марья Васильевна. – Вчера всю партию разобрали, до прилавка так ничего и не дошло. Сегодня скандал по этому поводу случился.

Ропот и согласие – вчера перебрали. Спустя каких-то минут двадцать более половины привезенной колбасы исчезли в подсобках, раздевалках и было поднято в кабинет Завмага. Все же оставшееся Марья Васильевна, с чувством благодетеля, водворила в торговый зал.

По старой традиции, пустой зал, практически безлюдный при пустующих прилавках, вдруг заполнился суетливыми людьми, появившимися из ниоткуда, стоило лишь колбасе даже не появиться на прилавке, а всего лишь пересечь проем в торговый зал.

Удивительным было даже не то, что все эти люди сразу же очутились у прилавков, толкаясь, формируя некую очередь, выясняя отношение и желая побыстрее отдать свои кровные за кило колбасы по 2—10! Удивительным было иное – в разгар рабочего дня, когда в силу особенностей системы, всё трудоспособное население просто обязано было гореть на рабочем месте, значительная часть этого населения вдруг врывается в магазины, выгребая все, до чего только имела возможность дотянуться, закупаясь в прок, с избытком, но обязательно участвуя в общем порыве потребления и приобщения к материальным благам.

– Я здесь стоял... – махал руками оттесняемый от прилавка поношенный пиджак. – Продащица! Товарищ! Скажите же им! Я же был здесь с утра! Я стоял... – его крик уносился вместе с ним куда-то на периферию, выталкиваемый каждым приобщенцем к благам, по своему большинству дамами не менее дородными, чем сами продавцы, и бывалыми бойцами в подобных ситуациях.

Марья Васильевна не стала размениваться на такие мелочи, как восстановление какой-то там справедливости, тем более этот любитель колбас и правдолюб, стоил ей ящика отборных продуктов да выговора от Завмага. Месть была сладчайшим из блюд и ей предавались все с великим удовольствием.

– Да когда же начнут давать? – негодовала бабулька божий одуванчик, перевязанная платком, и не уступавшая в прыти дородным бабам. – Начинать пора...

– Скоро начнем давать, – невозмутимо бросила ей Марья Васильевна, упиваясь своей, пускай и кратковременной, но властью над толпой. – Бумаги заполнить нужно.

– Какие бумаги?! – возмутились в броуновском движении у прилавка. – Обед скоро. Начинать давать.

Но давать Маша не спешила. Извечное слово давать! Не продавать, не покупать, а давать и брать – по-иному советский гражданин, воспитанный в духе социализма, и мыслить не мог. Ещё, бывало, колбасы и прочую снедь, «выбрасывали» на прилавок, или кидали по кило в одни руки, отчего очереди с детьми, бабушками и дедушками выплескивались уже за пределы магазина.

«И правда, обед скоро!» – обратила внимание на часы Марья Васильевна. Работать ей как-то не очень хотелось, а вот отложить себе хоть что-то – имела желание непреодолимое.

– До обеда давать не будем! – отрезала она покупателям, не подымая глаз от бумаг. – С бумагами не все правильно... И витрину положено сначала оформить.

– Не будут, не будут, не будут... После обеда, после обеда, после обеда... – полетел гнул по толпе, вызвав сразу же бурю возмущения.

Но возмущались где-то там, за прилавком, в человеческом месиве, Машу же от них отделяла нерушимая стена торгового оборудования и статус работника торговли. Если сказала – после обеда, то значит после обеда. И ни как иначе.

– Заведующую! – потребовала толпа...

– Обед! – отрезала Марья Васильевна. – Прошу всех покинуть пределы магазина. Откроемся через час...

Праведно возмущаясь, толпа потянулась к выходу, чтобы там выместить все свое негодование на себе подобных, перессориться из-за очереди и высказать свое неуважение очередному козлу отпущения, скорее всего, поношенному пиджаку. Воспитание и дрессура потребителя в стране дошли до такой степени, что далее простого возмущения, дела никогда не заходили. Серая масса привыкла к оскорблениям и унижениям, лишь бы прорваться к прилавку и хоть на пару минут почувствовать себя чем-то большим, отличным, превосходящим толпу, из которой она вынырнула и в которую непременно вернется.

– Что у нас здесь?! – прозвучало добродушное за спиной. Завмаг совершала обход перед обедом, проверяя места торговли и отношение к своим обязанностям.

– Все прекрасно, – отрапортовала Марья Васильевна. – После обеда приступим.

– Ну вот и хорошо. Держим в том же духе. – похлопала она по плечу Машу, даже не взглянув на ту, и отправилась в соседний отдел.

Час пролетел незаметно, как то и бывает, за чаем, женскими разговорами в подсобке, и съеденным бутербродам из только что привезенной колбасы. Пришла пора наконец-то приступить к торговле, чтоб она неладная!!! С тяжелым сердцем и чувством неизбежности, Маша заняла свое место у прилавка, предварительно наладив весы на дополнительные пятнадцать грамм «для себя».

Мужичек в перемотанных очках и уже примелькавшемся пиджачке вновь попытался протиснуться в первые ряды, взывая к справедливости. И в очередной раз справедливость масс взяла верх над справедливостью единоличной. Мужичонку вытолкали за пределы очереди, пообещав в следующий раз выбросить и из магазина.

– Что Вам? – максимально недружелюбно поинтересовалась Марья Васильевна у первого покупателя, пролезшего поближе к прилавку.

– Мне полтора килограмма докторской. —заискивающе произнесла боевая старушка в платочке.

– Полтора кило... – отвесила ей Маша. На электронном табло весов, призванных изжить обвес потребителей, но так и не справившиеся со своим призванием, появились цифры суммы к оплате.

– У меня карточка, – протянула старуха потрепанную, завернутую до того в тряпочку, пластиковую пенсионную карточку. – Там пенсию бросили. – пояснила она.

Марье Васильевне, собственно, было все равно. Удручали её лишь те случаи, когда тех самых пенсионеров оказывалось избыточно много, безнал падал на счет магазина, а наличной выручки не хватало чтобы выдать себе любимой всю сумму обвеса и обсчета. Однажды она была даже фигурантом разбирательства контрольно-ревизионного управления о чрезмерно высокой выручке за товар, которого по документам прибыло на 20% меньше. Тогда все списали на поставщика, объяснив все махинациями с их стороны... Но осадок все же остался. Сегодня же, похоже, тех самых старушек со своими пластиковыми квадратиками – и кому в голову пришло это новшество? – было немного, опасаться не стоило...

– Терминал с Вашей стороны, – напомнила бабушке Марья Васильевна. – Проводим, набираем код, получаем чек.

– Помогите мне, голубушка. – попросила старушка, опасаясь всего, что было сложнее выключателя света.

– Не задерживайте очередь! – лишь гаркнула она на бабулю. – Будете рассчитывать или нет?

Бойкая торговля затянулась до самого конца рабочего дня. Как ни к стати, вдруг привезли ещё партию колбасных изделий. Нежданно нагадано. Сверх нормы. Пришлось принимать, отпускать и к концу рабочего дня Маша практически валилась с ног, источая презрение ко всему окружению и всем окружающим. Часовая стрелка едва перепрыгивала с отметки на отметку, затягивая рабочий день до бесконечности.

И вот он долгожданный конец рабочего дня. Стрелка замерла на какое-то время и с натугой коснулась цифры 12. Рабочий день был окончен, осталось завершить дела и...

И у прилавка стоял тот самый мужичек в поношенном пиджаке, готовясь сделать заказ.

– Мне бы... – начал было он.

– Магазин закрывается. – отмахнулась от него изможденная Марья Васильевна. – Приходите завтра.

– Но как же так?! – возмутился незадачливый покупатель. – Я же... – но его ни кто уже не слышал. Маша покинула пост у прилавка, перебросив свой перемазанный передник через руку. Ей невероятно хотелось прилечь, или хотя бы присесть и этот миг был уже близок, как вдруг оказалось, что весь коллектив у себя собирает Завмаг.

Проклиная Завмага, работу, покупателей и переполненный служебный холодильник, где хранилась неучтенка, Марья Васильевна, не заходя в раздевалку, вместе со всеми отправилась к Завмагу.

В кабинет набилось сразу столько людей, что Завмагу пришлось отступить в самый край и оттуда, оглядев всех, пересчитав едва ли не по головам, произнести:

– Все собрались?

– Да... – отвечали ей.

Завмаг ещё раз убедилась, пересчитала и продолжила:

– Хочу представить Вам наших сегодняшних посетителей. Сергей Петрович и Антон Антонович.

Сергей Петрович был постарше, лет тридцати пяти, Антон выглядел ещё молодым специалистом, потому ничего не знающим и не умеющим, и приставленным для обучения к своему наставнику.

– Температурные датчики наших охлаждающих систем по системе связи передали информацию о значительной перезагрузке, вследствие чего морозильники могут выйти из строя. Поэтому... – Сергей Петрович поднял руку, и речь Завмага прервалась.

– Температурные датчики... – протиснулся он на середину комнаты. – Перегрев и выход из строя... Как я люблю такие моменты! – толкнул он одну из застывших фигур. – Приходишь к ним с какой-то идиотской байкой, раскрываешь удостоверение и тебе все безоговорочно верят. Все идут на встречу, содействуют... Да, толстуха ты наша?! – Сергей Петрович похлопал по мясистой спине одну из продавщиц, застывшую в неестественной позе на одной ноге, поправляя свой сползающий чулок.

– Да, – вспомнил вдруг Сергей Петрович. – Там внизу, в вестибюле сидит такой невзрачного вида мужичек. Потом сбегаешь, деактивируешь и его. Это так называемый контрольный закупщик. Тайный покупатель – будь они все неладны!

– Хорошо, – кивнул стажер, – А этих за что же? – поинтересовался он.

– Да как всегда, – отмахнулся Сергей Петрович. – Перегрузки на работе. Сбои в программе, нарушения алгоритмов, избыток самостоятельности. Классика.

– Но их же рассчитывали? – не унимался молодой. – В институте нам рассказывали...

– Забудь обо всем, чему тебя учили в институте? – парировал ему наставник.

– И учение Марксизма-Ленинизма тоже? – провокационный вопрос, на который Сергей Петрович отвечать не стал. – И историю партии?

– Не пудри мне мозги, – подтолкнул Петрович стажера. – Начинай с Завмага.

– А что с ней делать?

– Да то же, что и со всеми – деактивация. Критическая мера. Когда простая перепрошивка не в состоянии что либо решить.

– Понял, – ответил Стажер. – Значит грузим...

– Да, грузим, – согласился наставник. – И так каждый день, – продолжил он уже для себя. – Проблемная сфера торговли! Целые НИИ работают над разработкой правильных процессов, систем контроля, создают оборудование, которое просто обязано работать так, как было задумано! А в итоге получаем что? Создаем рабочий персонал максимально приближенный к человеку. И внешне, и в быту. Настолько максимально, что без отвертки и специальных знаний и не отличишь таковых при ближайшем рассмотрении – люди как люди, ходят, живут, дышат, интриги плетут, женятся. Даже рожать умудряются... Пока под надзором, пока имеет место процесс сопровождения – работают, как часики. И лишь контроль снимается, как все

это сразу же летит к... Ну, сам знаешь, куда летит. Все регламенты мгновенно нарушаются, процессы начинают сбоить, на выполнение своих функциональных обязанностей все откровенно... И получается так, что изначальная цель извращается до неузнаваемости...

– А почему так происходит? – интересовался стажер, вскрывая грудь Завмагу в поисках панели управления.

– Кто-то говорит, что модели устарели, работаю по 40 лет, а на новые у страны средств не хватает, кто-то грешит на разработчиков, мол, сидят себе в лабораториях, а в полях ни разу так и не побывали. А самые неугомонные утверждают, что ментальность народа такова – неугомонный и вороватый, мол, народ, а то и вовсе в ересь впадают – грешат на систему, утверждая, что та только моральных уродов и родит. И тут уже ни какие технологические новшества не спасут... Не выручат.

– Ну а Вы как думаете?!

– А я не думаю. Я знаю. Знаю, что сегодня мы этих упакуем, вывезем их на утилизацию, завтра здесь будут уже иные – новые модели или старые, не важно, но спустя год-полтора из магазина образцового обслуживания, он превратится в такой же клоповник с обманом, обвесом, воровством и хамством, а нам придётся приезжать вновь и вывозить весь этот мусор вновь.

– Ну, я так не думаю... – не согласился стажер.

– Думать – это хорошо! Ничего, поработаешь пару лет – больше не будешь думать. Будешь знать. Пакуй их всех. До полуночи новых завезти нужно. И в их семьях зачистку сознания произвести успеть. Сегодня помощи не будет – остальные бригады чистят соседнюю воинскую часть. Работы предстоит много. Потом поговорим.

3. Подвал «правителей мира»

Подвал правителей мира.

– Ну что нового у воротил науки? – поинтересовался Сергей Петрович, проходя лестничными пролетами в сторону лаборатории.

– С наукой все прекрасно! – сонно отвечал ему не то Евгений, не то Ярослав. Петрович их постоянно путал – одноликие, худощавые до сутулости, в белоснежных халатах с оттопыренным карманом от сигарет и унылым взглядом, прячущимся за невзрачными очками. Подобных сотрудников в любом НИИ на всем советском пространстве было, наверное, с миллион, если не более.

Коротая время за постоянными перекурами и чаепитиями, они оживлялись в день получения аванса или зарплаты, а также накануне сдачи очередного проекта. Но проекты сдавались не часто, сдавались как коллективное творчество и, как водилось, в любом коллективе была одна, от силы две, личности, которые, собственно, и занимались самим проектом, время от времени привлекая сторонних статистов с невнятным взглядом, в невзрачных очках и с оттопыренным карманом с сигаретами. Помощи от таких сотрудников было не много, чаще вред, поэтому, легче было затянуть проект на лишней месяц-два, а то и на полгода, но сделать самому, сделать правильно и отчитаться без проблем.

Позже, на стадии внедрения, уже другие, но такие же белые халаты меж перекурами глядели на результаты многомесячной работы, проглядывали инструкции, зачастую для них не понятные, в обязательном порядке критиковали, обвиняли разработчиков в оторванности от жизни, и делали все по-своему, в корне меняя и ломая все, что было наработано.

Евгений и Ярослав, перебросились понимающими взглядами, и один протянул второну пачку. Закурили по второй.

– Сидорович как? – с половины пролета бросил Петрович. – На месте? Работает?

– Да куда ему деваться-то? – усмехнулся не то Ярослав, не то Евгений.

– Все корпит над своим... как там его... – запнулся второй специалист по искусственному интеллекту. – Ну над чем-то там работает, в общем.

– А вы? – не удержался Сергей.

– Творческая группа и весь коллектив всегда рядом, – заверил его один из однотипных курильщиков. – Каждый занят своим направлением, которое в итоге сольется в нечто целостное....

И оба засмеялись.

– Да ну вас, тунеядцев, – махнул на них рукой Петрович и увлек за собой своего стажера.

Ответом был лишь сдавленный смешок. За неимением чем заняться, половина, а то и большая часть НИИ, только тем и занималась, что перемещалась из помещения в помещение, курила, судачила, обсуждала да осуждала, делилась новостями и устраивала свою личную жизнь. Кружки по интересам время от времени разрывала новость о проверке, комиссии, зачистке или тому подобном. После этого на несколько дней в учреждении возникала псевдонаучная деятельность, сходявшая вскоре на нет. И лишь единицы двигали науку, обходя ведомственные запреты на лженаучные аспекты. Советская наука всегда считалась прогрессивной и потому за очисткой от псевдонаучных и откровенно враждебных веяний здесь зорко следили сразу несколько отделов, носивших номерные обозначения.

– Кто такой Сидорович? – поинтересовался ступающий едва ли не след в след Петровичу Антон.

– Да есть один старичок. Уже с полвека, как мозги куклам нашим разрабатывает

– Что, полностью весь мозг? – удивился Антон.

– Нет, системами жизнеобеспечения занимаются иные. Он спец по поведенческим формам. Как раз того, с чем мы постоянно боремся, – пояснил Петрович.

– Наверное, большой человек?!

– Да уж не маленький. С полтора центнера будет, – усмехнулся Петрович устало.

– Я не о том. Руководитель направления...

– Нет, руководителя направления ты только что видел, а Сидорович там ведущий специалист.

– Это как же так?

– Номенклатура, дорогой – пояснил Петрович и подмигнул. – Держи свои мысли при себе. А не то, не ровен час, в Сибирь поедешь науку подымать.

– Я, собственно, оттуда родом... – простодушно ответил Антон. – А почему Сидорович не того?

– Не того, потому что не таво! – пояснил Петрович, и немного подождав, добавил. – Он имел неосторожность высказать свое несогласие с генеральной линией нашей науки. Правда, потом оказалось, что линию требуется корректировать и его замечания, высказанные когда-то на симпозиуме, верны, но осадок остался, а запись в личном деле как субъекта не совсем благонадежного, сохранилась. Да и по национальному вопросу он того, словом – национальный вопрос тут его окончательно подрезал.

– Что за вопрос? – не унимался стажер.

– Много ты вопросов неправильных задаешь, Антоха. Как бы не пришлось и тебя в сектор очистки сдавать.

– Зачем же меня в сектор очистки? Я же не искусственный. Я же человек.

– А вот там и разберутся – человек ты или не совсем, – отшутился Петрович. – Идём. Дел на сегодня много, как бы до ночи не пришлось просидеть.

– А что у нас сегодня? – не унимался Антон.

– Товарищ, Антон Антонович! Не много ли вы сегодня задаете вопросов?

– Ну я же...

– Ладно, – махнул рукой Петрович, начиная спуск по серпантину коридора, предназначенного для транспортировки оборудования. – Сам такой был. Вопросов море, а понимания ни какого. Сегодня у нас день разборки.

– Разборки?

– Да, разборки. Разборки всего, что мы умудрились наскридовать за прошлые пару недель.

– Это что же – всех на разборку?

– Всех. – кивнул Петрович. – Всех до единого. Сидорович завершил новую систему, и оказалось, что она не ложится на существующую элементарную базу, поэтому, всех почтенных людей, дезактивированных нами за последние несколько недель на полный слом...

– Но ведь...

– Да, да... Регламенты, стандарты и даже закон, запрещающий уничтожать искусственные объекты без особой санкции соответствующих органов... Все будет. Все знаю... Бумаги оформим потом. У нас это в порядке вещей. Подмахнут не глядя...

– Но ведь они же такие же люди, как и мы с Вами? – не унимался Антон. – Они же имеют те же права, что и мы. Их вот так нельзя.

Петрович остановился и уперся взглядом в стажера. Формально он был прав, но, суть всего бытия этой страны состояла в том, что формальности оставались формальностями, которые служили лишь для наказания провинившийся, на самом же деле действовали неписанные законы сиюминутной целесообразности. И та самая целесообразность, как сиюминутная, так и на перспективу.

– Думаю, ты переутомился, – снисходительно улыбнулся Петрович. – Давай бери отгул и домой. Я подпишу.

– Я не то имел ввиду... – увязался хвостом за уходящим по серпантину Петровичем стажер. – Я совсем об ином. Я же ничего толком не знаю...

– Уж и не знаю, удастся ли нам сработаться, – вновь остановился Петрович. Третья неделя ему давалась очень тяжело. Предыдущие две только тем и запомнились, что невероятным количеством вызовов и деактиваций. Показатель количества сбоев у искусственных превысил нормальный уровень в разы и этим уже заинтересовались даже в госбезопасности, не исключая возможности вражеской диверсии. Поэтому быстрая локализация всех потенциально зараженных объектов была в приоритете, и ни какие циркуляры и законы здесь уже не работали. Государственная целесообразность и новые разработки сектора Сидоровича... Только они и были в приоритете.

– Сейчас я тебе расскажу нечто такое, что ты должен выслушать, далее осознать, превратить в умение и сформировать навык в итоге, – посуровел Петрович. – Иначе – нам не сработаться.

– Хорошо...

– Ну что же, – ты дал свое согласие, – и Петрович начал.

Он говорил не то чтобы долго, но достаточно содержательно. Говорил он о том, что все изученное стажером в институте тот может оставить у себя в голове, задвинув подальше на полки академических знаний, и начинать наконец-то прислушиваться к своему человеческому чутью, ибо только так и возможно выжить в муравейнике (Петрович хотел было сказать «клоповнике», да сдержался) именуемом нашим НИИ. Посоветовал держаться той позиции, что есть начальство, которое отдает приказы и если они сформулированы в соответствующем документе, который, к слову, у него обязательно должен быть, оформленный в полном соответствии с требованиями, то остается только исполнять. Не обсуждать, не ныть, не болтать, а выполнять. Выскочек и всезнаек здесь не любят. Любое проявление своих качеств и знаний в итоге обязательно превратится либо в пожизненную неоплачиваемую кабалу, либо в предмет ненависти окружающих. А часто – и в то, и в иное. Если будут какие-либо вопросы – задавать их только ему, Петровичу, и, выслушав, закрывать эту тему для обсуждения с кем-либо иным навсегда.

– Ну, где-то так, – закончил Петрович. – А теперь я тебе все же посоветовал бы взять отгул. Пойти и выспаться. Две недели по 13—14 часов без выходных, однако. А я пока что здесь...

– Нет, не нужен мне отгул. Я как-то справлюсь.

– Тогда сейчас в подвал, выпьем чаю и за дело.

Невзирая на поголовную стандартизацию и унификацию во всех областях жизни, все же полет архитектурной мысли время от времени выбрасывал некое чудо, которое в иных условиях сочли бы за выкидыш, но коли таковое было утверждено сверху, то оно сразу же становилось архитектурной особенностью. К числу таковых и принадлежал один из ведущих НИИ по разработке искусственных граждан Союза. Громадина института местилась на не менее впечатляющих размеров территории и удивляла впервые прибывших своими металлическими трубами-башнями, стеклянными переходами, деревянными тротуарами и опоясывающей все это великолепие железобетонной стеной с огромными красными звездами. Внутри же помещения, в котором, к слову, местилось несколько тысяч сотрудников, без понимания внутреннего устройства и со слабым вестибулярным аппаратом находилось было противопоказано, ибо четкое направление верх-низ и ощущение этажности пропадало здесь спустя всего каких-то минут 10-15. И, видимо, согласно доминирующей идеологии, в соответствие с которой бытие определяет и сознание, в этих стенах и рождались проекты, удивляющие своей неадекватностью.

В цоколе и ниже, на всех пяти подвальных этажах размещались технические службы, часть из которых поддерживала жизнедеятельность учреждения, а вторая часть занималась сервисным обслуживанием уже выпущенных в мир граждан. Страна была обширной и если мозг института местился в этом причудливом здании, то сервисные службы имели самую разветвленную сеть по всему Союзу со своей транспортной службой и отделом снабжения. Наверное, поэтому с сервисными службами ни кто воевать не осмеливался, ведь можно было лишиться источника среднеазиатской бахчи, молдавских виноградных вин или же болгарского ширпотреба.

Сервисная служба, как и большинство монополистов в стране, пользовалась своей исключительностью, что говорится, в полной мере. В отсутствие вредоносной конкуренции, эффективность работы разросшихся до невероятных размеров подразделений службы желала лучшего, но согласно последнему постановлению, служба должна быть реформирована и... И, скорее всего, вместо заявленных сокращения численности и повышения отдачи на каждый человеко-час, служба имела все шансы пережить и это очередное мероприятие, как случилось с нею ни раз. При этом значимость службы росла с каждым днем, в силу роста численности искусственных организмов, вводимых в народно-хозяйственные механизмы страны.

Существовала даже градация поломок и толстый регламент описывающий порядок действий от обычной неисправности коленного сустава или остановки сердца искусственного организма, до сбоя в системе управления и принятия решения – что ж, с ума сходили и искусственные организмы, начинали действовать неадекватно и создавать потенциально опасные ситуации для окружающих. Правда в объемной инструкции имелся раздел, занимающий едва ли половину страницы, гласивший о том, что в «случае непредвиденной ситуации, не описанной в регламенте либо по причине ограниченности во времени не идентифицированной согласно классификации регламента, сервисная служба имеет право действовать адекватно ситуации». Собственно, благодаря этой оговорке весь регламент потерял какой-либо смысл. Ни кто не утруждал себя чем либо, действуя согласно последнего раздела – «адекватно ситуации» и потому предприятие жило своей жизнью, а регламент всего лишь пылился в отведенных для этого местах.

Изъятие и демонтаж искусственных объектов мог быть произведен только с соответствующего «высочайшего позволения», подкреплен массой бумаг и иметь на то очень весомые основания, но ввиду в каждом случае «нештатной ситуации», формальности шли сами собой и уже по факту случившегося готовилось обоснование. На сей раз в лаборатории, занимавшей едва ли не несколько гектар площади, скопилось огромное количество деактивированных объектов, свезенных со всех уголков необъятной родины. Большинство из них здесь пылились уже не один год и до них, скорее всего, руки так никогда и не дойдут, тем более, что большинство из них были давно документально оформлены и даже списаны.

В служебном помещении, где у стены стоял рабочий стол с аккуратно сложенными бумагами, старинным черным проводным телефоном и древним металлическим электрочайником. Вдоль стен небольшого помещения местились сейф, стеллажи с мелкими деталями, кресло особой конструкции и вешалка для одежды. Именно здесь, поскрипывая стульями, перебирая какие-то промасленные бумаги, пили чай ремонтники.

- С кого начнем? – прервал молчание Антон.
- Со вчерашних... – отвечал не отвлекаясь Сергей Петрович.
- Значит магазин...
- Он самый...
- А остальные?
- По мере поступления в обратном порядке, – все так же не отрываясь от бумаг спокойно отвечал Петрович. – Все по порядку...
- Хорошо, а... – было хотел задать вопрос стажер, но их прервал телефонный звонок.

Черный не убиваемый аппарат с тяжеловесной трубкой ожил и разразился с той стороны визгливым женским голосом что-то требующим. Петрович спокойно выслушал говорившую, коротко ответил что-то вроде «Сейчас поднимусь» и положил трубку.

– Бухгалтерия, быть ей не ладной, – пояснил он Антону. – Что-то там с приходом последних запасных частей... Я поднимусь и узнаю что там, а ты пока приступай. Действуем по инструкции – время у нас есть. Ты меня понял?

– Конечно! – кивнул Антон Антонович.

– Ну тогда давай, допивай чай и за дело, раз уж домой не хочешь...

Сергей Петрович вернулся из бухгалтерии спустя час с небольшим. Вернулся не в самом лучшем настроении, но в силу врожденной сдержанности, всю свою ненависть к бумажным червям постарался в себе подавить.

– Что тут у нас? – открыл он дверь в помещение и оторопел от увиденного.

Обширный зал хранения дезактивированных экземпляров, освещенный мощными прожекторами едва ли в одну двадцатую своей истинной величины, уходил темной перспективой, как по горизонтали, так и по вертикали. И в этом пятне метров 200 на 200 захватив ноги в руки, носился во всю прыть Антон, подгоняемый дезактивированной вчера начальницей магазина, дамой бойкой и энергичной. Как-то ни кто из участников сражения не пытался уйти в тень и там скрыться, отчего бег превратился в пляски сводящиеся к перемещению по кругу, к периодическим изменениям диспозиции с переменным преимуществом то одной – убегающей, то второй – настигающей, стороны.

– Да ты знаешь, какие у меня связи?! – визжала Завмаг, хлестая сорванной с кого-то кофтой незадачливого стажера. – Да у меня такие связи и знакомства, что тебя уже сегодня вечером ни кто и искать не станет! – её обнаженная грудь колыхалась в такт движениям, распахнутая дверка прямо по центру таковой, похоже, вообще её не смущала.

– Что всё это значит? – вмешался во все происходящее Сергей Петрович.

– А Вы кто? – удивилась Завмаг. – Ах, да!! Это же вы вчера приходили к нам в магазин!! Так вы заодно?!

– Закройте рот и прекратите истерику, дорогая! – перехватил её руку Петрович. – Ситуация, признаюсь, неприятная, но бывало им хуже.

– Что бывало? – остановилась Завмаг. – Вы мне здесь голову не... – она запнулась. – Вы меня не заговаривайте! Что это все значит?

– Все очень не просто, уважаемая! – вздохнул Петрович. — Придется Вас полностью дезактивировать. – и протянул руку к вскрытой коробке в груди.

– Но-но! – возмутилась барышня. – Руки прочь, похотливый самец! Видала я таких. И не с такими справлялась, один полковник чего стоит?! А с вами, и тем более, справлюсь.

– Боевая баба! – усмехнулся Антон, прячась за спиной Петровича. – Она вам...

– А чего мы смеёмся-то? – взорвался невозмутимый Петрович. Приступы гнева у него случались не часто, и этот был первым на памяти стажера. – Ты где-то накосячил, а теперь стоишь и скалишься?! Если так, то решай проблему сам. Пора и тебе начать обучение да опытом обзаводиться. – отрезал он Антону. – Он полностью Ваш, барышня, – усмехнулся наставник. – Поработайте с ним, обучите уму-разуму.

– Я-я... – растерялась Завмаг, разводя руки в стороны.

– Но я же все по инструкции... – возмутился стажер. – Переключение на состояние транспортировки и все такое, а она раз и активировалась.

– Меня это уже не волнует. Решай проблему, – отмахнулся Петрович. – Все остальные, шагом за мной...

И группа из бывших сотрудников магазина, работников буровой платформы и свихнувшихся в таежной глуши археологов, безвольно побрела за ним.

– Что это с ними? – услышал Петрович вопрос, адресованный стажеру.

– То самой, что не случилось с Вами. – пояснил стажер.

Заведя своих подопечных, подлежащих утилизации, в отдельное помещение, Петрович сразу же набрал Сидоровича. Не отвечали несколько минут, и Петрович уже было хотел положить трубку, как с той стороны донеслось сипловатое:

– Слушаю.

– Привет, Сидорович. У телефона Сергей из технологии. У меня вопрос здесь возник.

– Говори, – откашлялся Сидорович. —Что привело славных ремонтников в наши непочитаемые хоромы?

– Бросай хандрить, Сидорович, – усмехнулся Петрович. – Ты мне скажи лучше, ничего уникального в объект... объект... – Петрович произнес серийный номер объекта известного как Завмаг. – Не вносилось?

– Зачем нам что-то дополнительно вносить в базовые модели?

– Уж и не говори! – в тоне Петровича сквозила ирония. – Это не мне ли знать, сколько вы интересного засовываете в серийные модели с целями... Какие у вас там цели?

– Ну ладно, ладно. – согласился Сидорович. – Но официально – все наши серийные модели унифицированы и однотипны, без каких либо отклонений.

– Это понятно. Так что там с моим экземпляром.

– Погоди, сейчас поглядим... – и в трубке повисло молчание, сопровождаемое сопением Сидоровича, запускающего базу и выискивающего нужный экземпляр.

– Надо же! – долетело наконец с той стороны трубки. —Дама в самом расцвете сил! Размер...

– Меня не интересуют её раз меры, – прервал его Петрович. – По существу, что там с нею, Сидорович. Были внесены модификации.

– Ты не перебивай. Значит, дама гонористая, активная, с повышенной работоспособностью, с габаритами близкими к утвержденным постановлением ВЦСПС. Ты уверен, что ничего не напутал?

– Да вроде бы нет...

– Странно, Петрович, странно, – выдохнул Сидорович. —Тут кто-то что-то напутал... И может скандалец случиться.

– Так в чем же дело? – не понял его Петрович. – Что с нею не так?

– Да все с нею так. Все так... К слову, ты её хоть уже не испортил? – имелось ввиду разборка отключенного индивида.

– Не успел. Она сейчас моего стажера по плацу таскает...

– Это хорошо, – выдохнул Сидорович. – Это крайне хорошо. Я сейчас к тебе спущусь, а ты пока успокой её, приведи в порядок и... Чаем напои, что ли...

Сидорович был человеком уже не первой молодости, сохранивший способность трезво мыслить и принимать обдуманное решения, но передвигался уже не так резво, как когда-то, от чего ожидать его прибытия стоило не менее чем полчаса. Да и факт самого прибытия Сидоровича в ангары являл собой вещь неординарную.

– Стоять на месте и ожидать очередного приказа, – скомандовал Петрович активированной на передвижение массе искусственных объектов. Все они и без того походили на оживших мертвецов, бесцельно слоняясь вокруг, натываясь один на второго и на стены, производили и без того жуткое впечатление.

– Эй, Антон! Как твои успехи?

Но и без ответа было ясно, что успехи не впечатляют.

– Мадам, приношу свои извинения за все происходящее, – протянул халат Петрович Завмагу. – Но с Вами хотят поговорить... – он замялся. – Словом, поговорить хочет один из ведущих специалистов нашего заведения.

– Где мы? – налетела она на Петровича. – Что это все значит? Я буду жаловаться на Вас и на Вашего лакея! Это неопишимо! Меня, порядочную женщину, крадут, вывозят невесть куда, раздевают и... Что Вы со мной хотели сделать? Говорите!

– Дезактивировать! – неуверенно из-за спины Петровича пояснил стажер.

– Это теперь так называется?! – возмутилась она, натягивая халат. – В мое время и в моем мире – это называлось похищением и склонением к половым связям.

– Как будет Вам угодно. – дипломатично ответил Петрович. – Чая не изволите?

Завмаг остановилась, кристально поглядела на обоих ремонтников и с опаской произнесла:

– Надеюсь, опоить меня не надумали?

– Да бросьте Вы это, – махнул рукой уставший Петрович. – Нам вообще не до этого. Пройдемте.

С чашкой чая и уже покрасневшую от общения и застал Завмага Сидорович, втиснувшийся своим массивным телом в рабочую комнату ремонтников.

– Здравствуйте, барышня. Позвольте представиться...

– Сидорович. – опередил его Антон, отошедший от неприятной ситуации, случившейся с ним до того.

– Да, так будет лучше, – согласился Сидорович. – Давайте будем обращаться именно так. – он пожал руку барышне. – Удивлен увидеть Вас здесь и при таких обстоятельствах.

– А я то как удувлена! – возмутилась о дама. – Меня привезли, выкрали, раздели, хотели произвести надо мной невесть что! Я буду жаловаться!! Я буду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.